

*Автор выражает самую горячую признательность
и благодарность И. С. Гордеву — человеку,
без которого эта книга не смогла бы состояться.*

Предисловие

Я думаю, случайных книг не бывает. И эта не случайна тем более. И если, читая ее, вы хотя бы один раз улыбнетесь, если хотя бы на минуту согреет она ваше сердце — значит, была написана не зря.

Автор

Из цикла
«ПО СТУПЕНЯМ ПАМЯТИ»

Тополиный пух

Не желали мы знать, не хотели мы думать,
что когда-нибудь наша закончится близость.
Зажигались и гасли над городом луны,
а по ветру летел легкий пух тополиный.
Плыли улицы в этой серебряной дымке,
и качались дома кораблями на рейде.
И всю ночь напролет мы с тобою бродили,
обо всем остальном забывая на свете.
Вместе с пухом ложилось нам счастье под ноги,
полной грудью мы синюю вечность вдыхали...
А любви оставалась неделя всего лишь —
тополя отцветали...

2021

Ужин

Светятся лампы млечно
в еле заметной дымке,
кутает плечи вечер
легким мантио пушистым.
Саксофонист играет
что-то знакомое с детства.
Льдинки в бокале тают.
Я не могу согреться.
Слитые в танце пары
медленно в зале кружат.
Нервные, барабанят,
пальцы твои по стулу.
И те слова прощанья,
что будут сказаны после,
тенью кружат над нами,
спазмом сжимая горло.

2021

Так далеко

Мысли летают низко.
Крыльями бьют наотмашь.
Ты еще рядом, близко.
Как далеко, о Боже!
В сотнях забытых праздников,
в тысяче трубок неснятых,
в календарях растроченных,
в старых записках смятых,
в каждом моем дыхании,
в сбое сердечного ритма,
в желтом листке порхающем,
в тихой моей молитве,
в утре, горчащем кофе,
в свежести роз подаренных,
но не тобой...

И даже в строчках моих израненных,
выплеснутых сознанием
с этой моей виной.
С этой неотвратимостью —
жить ожиданием чуда
в детской святой наивности:
чудо из ниоткуда.
С верой слепой и гиблюю
темных волхвов из прошлого.
Ты еще рядом, близко...
Как далеко, о Боже...

2014

Иллюзия

В лунном кружеве ночь утюжила
звездный шелк, расправляла бережно.
Знала ночь, как сильно оружие:
лаской тихой войти в доверие.
Опрокинуть понятия прежние,
в мозг проникнуть безумьем нежности,
утомить, усыпить поцелуями
и иллюзией безмятежности.
А потом, в первом света проблеске,
без следа раствориться во времени...
И вернуться назад бессонницей.
Оправданьями.
Сожаленьями.

2015

Вспышка

Не думая даже, легко и небрежно,
скользнул по мне светлый ваш взгляд.
И в сердце тотчас сумасшедшая нежность
забила, плотины прорвав.
И пульс обгонял в своем ритме секунды,
в сумятице мыслей шальных.
«Уже очень поздно», — сказала я будто.
Но мне не ответили вы...
В сместившемся мире реальности грани
распались на части легко.
И мы, ослепленные, молча стояли
у самого края его.

2016

Заноза

Я в Вашей памяти — воспоминание,
как на стекле след от дыхания.

Я как закладка прошлой страницы:
надо бы вынуть, да лень возиться.

Я в Ваших снах красным пунктиром,
сон отделяю от жизни данностей.

Я ухожу. И опять возвращаюсь.

И улыбаюсь...

Такие вот странности.

2015

Портрет

Е. Ш.

Вы были легки и небрежны,
как ветер с залива привольный,
но Ваша скрывала внешность
законченность строгих симфоний.
Вы были светлы и красивы,
и самую чуточку вздорны,
но в этой невнятице милой
стальные звенели аккорды.
Вы смехом бурлили кипучим,
грусть где-то внутри затая...
Вы были одною из лучших
мелодий, что слышала я.

2016

Принцесса

М. Б.

Принцессой в готическом замке
душа мне твоя представляется,
всё бродит она по аркадам,
всё ищет себе пристанище.
И в мрачном пространстве этом,
среди полутемных залов,
всё ждет она солнца и света,
тоскуя о небывалом.
Мутны зеркала, а мебель
под бархатом серой пыли.
Здесь власть пресекается времени,
и небыль мешается с былью.
Таится в гранитных сводах
глухонемое эхо,
которое в жизни, должно быть,
не слышало песен и смеха.

А где-то зеленые дали
и синих небес полукружье,
но лестницы все спиральные
ведут лишь вовнутрь, не наружу.
А ей снятся солнце и клены,
и сельский веселый праздник,
зазывный мотив валторны,
и некто в плаще шурщащем.
Но нет в настоящем места
видениям этим ярким,
и бродит, как тень, принцесса
в своем заколдованном замке.

2021

* * *

*Памяти моей матери,
Юлии Григорьевны Захаровой*

В паутине асфальтовых рун
и в ночных миражах мегаполиса,
в отраженьях ущербных лун
и у самого края пропасти,
когда сердце замрет на миг
в пальцах вкрадчивых одиночества —
долетают молитвы твои
и на душу ложатся строчками.
И уходит тоска с пути,
и сменяется ночь рассветом,
когда слышу слова твои:
«Не грусти, моя девочка светлая,
всё пройдет... Не грусти... Не грусти».

2016

А я так никогда и не видела моря...

«А я так никогда и не видела моря», —
я слышала в детстве от матери.
Полвека прошло незаметно, и многое стерлось из памяти,
но эту вот фразу я помню.
Звучащую с давней горечью
и с детской почти обидою,
с прозреньем каким-то невольным:
что вот, мол, не видела моря
и знаю, что не увижу.
Сбылось пророчество это,
как худшие из пророчеств сбываются непременно.
И море где-то шумело,
заигрывало с кем-то,
и этому самому морю, кокетливому притворщику,
до матери не было дела.
Я знаю: не море виною
тому, что потом случилось,
но некому мне промолвить:
«Родная, я видела море,
и оно мне не полюбилось».

* * *

Бабуле

Где-то твой ускользающий след
сохранил свежевывпавший снег
в том пространстве, где времени нет
и, выходит, ни зим и ни лет.
Всё равно сохранилась та часть
твоего на земле бытия,
что когда-то Еленой звалась,
хоть вернуть ничего и нельзя.
Где теперь карих глаз твоих свет
и бровей чуть печальный излом?
Ты нечасто приходишь во сне,
но всегда я тоскую потом.
Где бы ты ни была — надо мной
простираешь любовь и хранишь,
обнося нерушимой стеной
всю мою непутевую жизнь.

2020

* * *

Памяти отца

Серая мутная даль,
темный чугу́н оград.
Тот же опять ноябрь.
Сколько же лет назад?
Заступов легкий звон,
комьев промерзших стук.
Черный на белом холм,
стайкой родня вокруг.
И не спасла ни дня
вновь вся любовь моя.
Тридцать восьмой ноябрь...
Папа, прости меня!

2019

У двери

Памяти Галины Дмитриевой

Разве можно знать, стоя в дверях,
торопливо прощаясь на выходе,
что всё это — в последний раз
и что больше уже не увидеться?
Что щека, поцелуй приняв,
словно бабочку лепесток,
лишь неделю всего спустя
превратится почти в ничто —
в оболочку, футляр, итог
жизни тела, где жизни нет,
лишь в безличное вещество,
что по сути — само предмет.
Что отныне и навсегда
миг прощания разделил
твою жизнь на «теперь» и «тогда»,

этой формой прошедшей был.
Что не будет другого дня
для того, что недосказал,
что сама эта дверь твоя
в никуда отворит портал.
Что останется память лишь,
привкус вечности на губах,
что ты сам у дверей стоишь
и готовишься сделать шаг.

2018

Учитель

Посвящается Коле Стоцкому

Я другом назвать не могла бы его —
он был лет на двадцать старше
и взрослым казался тогда мужиком,
а мне было только шестнадцать.
Ты, Коля, мой вряд ли услышишь привет,
и жив ли вообще ты, не знаю,
три с лишним десятка прошло уже лет,
а я тебя всё вспоминаю.
Такие, как ты, не задержатся здесь
до славных седин патриарха,
не нянчат внучат и не ходят в собес,
не думают вовсе о завтра.
С утра ты сшибал у соседей трояк
и выглядел очень сомнительно,
и дико учителем звать мне тебя,
и всё-таки был ты учителем.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru